
К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ РАССЛОЕНИИ РУССКОЙ ЧЕРНОСОШНОЙ ДЕРЕВНИ XVII в.*

Н. В. УСТЮГОВ

Вопрос о начальном этапе социального расслоения в русском городе и деревне является одним из наиболее спорных в советской исторической науке. В ряде советских исследований (в работах К. Н. Сербиной о Тихвинском посаде, П. А. Колесникова о Тотьме, А. Ц. Мерзона и Ю. А. Тихонова об Устюге Великом, Н. В. Устюгова о Соли Камской и некоторых других) с достаточной убедительностью показано наличие глубокого имущественного неравенства на русских посадах XVII в. и переход этого неравенства в социальное расслоение¹. Особенно горячие споры разгорелись по вопросу о начальном этапе социального расслоения русской деревни. Здесь наметились две крайние точки зрения и несколько промежуточных. Одни исследователи, преимущественно специалисты по истории СССР XIX в., не находят возможным говорить о наличии социального расслоения в русской деревне ранее первой половины XIX в. Это одна из крайних точек зрения. Другая представлена специалистами по истории СССР XVII в. Опираясь на материалы, касающиеся главным образом черносолошной деревни, эти историки находят возможным говорить о наличии социального расслоения в русской черносолошной деревне уже в XVII в., особенно во второй его половине. Наконец, некоторые историки относят начало этого процесса к первой четверти XVIII в., другие — к середине столетия, третьи — ко второй половине века и т. д.

Чтобы прийти к определенным и убедительным выводам по спорным вопросам, недостаточно одних теоретических споров, нужно накопление нового фактического материала и соответствующее его истолкование. Только таким путем можно достичь поставленной цели.

Спор идет не о любой форме социального расслоения в русской деревне. Разорение и обезземеление черносолошного крестьянина и переход его на положение половника, работающего на земле своего разбо-

* Расширенный доклад Н. В. Устюгова на пленарном заседании III межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, сделанный 23 сентября 1960 г. в г. Киеве.

От редакции: Проблема расслоения крестьянства в период позднего феодализма вызывает большие разногласия среди историков. В журнале предполагается напечатать ряд статей, отражающих различные точки зрения по данному вопросу.

¹ К. Н. С е р б и н а. Очерки из социально-экономической истории русского города Тихвинский посад в XVI—XVIII вв., М.—Л., 1951; П. А. К о л е с н и к о в. Из истории классовой борьбы вологодских крестьян в XVII в., Вологда, 1957; Е г о ж е. Социально-экономические отношения на Тотемском посаде в XVII в. «История СССР», 1958, № 2, стр. 131—143; А. Ц. М е р з о н и Ю. А. Т и х о н о в. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век), М., 1960; Н. В. У с т ю г о в. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности, М., 1957.

гатевого односельчанина или посадского человека из той или иной доли урожая, тоже социальное расслоение. Оно не является предметом спора. Речь идет о таком социальном расслоении, которое влечет за собой превращение крестьянина в наемного работника, продающего свою рабочую силу либо в сельском хозяйстве, либо в промышленности. Иными словами, речь идет о таком социальном расслоении, которое в дальнейшем приводит к капиталистическому расслоению русской деревни.

Автор является представителем одной из крайних точек зрения. Он находит возможным говорить о начальном этапе социального расслоения в русской черносошной деревне XVII в., причем имеет в виду главным образом посады и уезды восточной половины Поморья: Тотьму, Устюг Великий, Вятскую землю, Соль Вычегодскую, Яренск, Чердынь и Соль Камскую. Систематическое изучение таких источников, как писцовые и переписные книги, позволяет проследить постепенное углубление имущественного неравенства в черносошной деревне и переход его в социальное расслоение. По сохранившимся писцовым книгам конца XVI в., например Соликамского уезда, в деревнях жили пашенные крестьяне и сами пахали пашню². По писцовым книгам 1622—1623 гг. наблюдается уже эксплуатация труда половников. Половники работают на земле разбогатевших крестьян и посадских людей, приобретших деревни³. Переписные книги 1646 г. зафиксировали не только эксплуатацию труда половников, но и появление «наемных ярыжек», работающих в чужом сельском хозяйстве⁴. Судя по переписным книгам 1678—1679 гг., значительно возросло число половников, но особенно усилился приток пришлых людей — подворников, занятых по найму как в сельском хозяйстве, так и на лесных промыслах⁵. По данным дозорной книги 1707—1708 гг., в Соликамском уезде сохраняются и половники, но усиливается приток наймитов в сельское хозяйство и лесные промыслы⁶. Одновременно с этим переписные книги 1646 и 1678—1679 гг. и дозорная книга 1707—1708 гг. фиксируют отход крестьянского населения на посад Соли Камской, где этот люд находил работу на соляных промыслах. Соляные промыслы Соли Камской притягивали рабочую силу как из уезда Соли Камской, так и из других посадов и уездов Поморья. Аналогичные явления наблюдались и в Тотьме и на Сергезовских промыслах И. Д. Панкратьева и О. И. Филатьева.

Характер землевладения черносошного крестьянства, так называемое доленое землевладение, при котором крестьянство имело возможность свободно продавать, покупать, обменивать, дарить и т. п. свои земельные участки, создавал благоприятные условия для перехода земельных участков от одного владельца к другому. В конечном счете это вело к обезземелению бедноты и к сосредоточению земельных участков у богатой верхушки черносошной деревни. Бедняк, потерявший свой земельный участок, был вынужден либо предлагать свои услуги в качестве половника на земле своего разбогатевшего соседа, либо покинуть свою деревню и искать лучшей доли путем переселения в Сибирь и заведения сельского хозяйства на новых землях, или же оставлять

² Государственная библиотека им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, Собрание Н. П. Румянцова, № 308. Список с писцовых книг И. И. Яхонтова 1579 г. и М. Ф. Кайсарова 1622—1623 гг., лл. 4 об., 6—12.

³ Там же, лл. 160 об.—162 об.

⁴ ЦГАДА, Писцовые и переписные книги, № 474. Переписные книги соликамского воеводы П. К. Елизарова 1646—1647 гг., лл. 68, 72, 73, 78—78 об., 93—94, 100, 114 об., 115 об.—117 об., 119—121 об., 129 об.—130 и др.

⁵ ЦГАДА, Писцовые и переписные книги, № 442—443. Переписные книги кн. Ф. Ф. Бельского 1678—1679 гг. по Соли Камской и ее уезду, лл. 161—337.

⁶ ЦГАДА, Книги Сибирского приказа, № 1511. Дозорная книга стольника кн. И. И. Щербатова 1707—1708 гг. по Соли Камской и ее уезду, лл. 58 об.—63, 68 об.—71 об., 73—74, 78—80, 82—83, 385 об.—387, 416—700.

сельское хозяйство и искать приложения своему труду в промышленности и на транспорте. В первой половине XVII в. гораздо чаще наблюдались переход в половники или побег в Сибирь. Во второй половине века при сохранении побегов в Сибирь получает значительное распространение отход в промышленность и работа по найму в сельском хозяйстве.

Наряду с условиями землепользования крупную роль в обезземелении черносошной деревни играла и фискальная политика правительства. Экспроприирующее влияние фискальной системы подчеркивал К. Маркс⁷. Изучение системы сбора налогов и отбывания других повинностей в черносошной деревне с большой убедительностью показывает, что фискальная политика правительства являлась одной из основных причин разорения черносошного крестьянства, лишения его средств производства и поисков им заработка путем продажи своей рабочей силы в промышленности.

* * *

Автор настоящей статьи, изучая в свое время положение солеваренной промышленности Соли Камской и ее уезда в XVII в., отметил два обстоятельства, которые ему представляются чрезвычайно существенными. Это, во-первых, отрыв крестьян Соликамского уезда от собственного хозяйства, забрасывание ими пашни и переход к работе по найму на соляных промыслах посада и уезда Соли Камской. И, во-вторых, значительный приток работного люда на соликамские промыслы в XVII в., главным образом из различных посадов и уездов Поморья.

Процесс отрыва крестьян Соликамского уезда от сельского хозяйства и переход их к работе по найму в солеваренной промышленности удалось проследить по переписным книгам 1678—1679 гг. и по дозорной книге 1707—1708 гг. Процент отрыва крестьян Соликамского уезда от сельского хозяйства в конце 70-х годов XVII в. еще невелик. Он не превышает 5,8% — 87 человек из 1489 душ мужского пола взрослого постоянного крестьянского населения уезда⁸. К началу XVIII в. этот процент возрастает почти вдвое и повышается до 11,2% в среднем по уезду (наивысший показатель в определенных погостах — 14,5%)⁹. Пришлого населения, получившего работу на соляных промыслах посада и уезда Соли Камской, было зарегистрировано по переписным книгам 1678—1679 гг. 947 человек¹⁰. По указу от 5 сентября 1679 г. все это пришлое население, если оно жило в собственном дворе или избенке, было включено в посадское или крестьянское тягло у Соли Камской, следовательно, перестало считаться пришлым.

Через три года, в 1682 г., когда стали приводить население Русского государства к присяге вновь избранному царю Петру I, у Соли Камской на посаде и в уезде оказалось 993 человека новых пришельцев, которые также получили работу на соляных промыслах. Следовательно, у Соли Камской был постоянный спрос на рабочую силу, который удовлетворялся притоком пришлого люда¹¹.

В работе о солеваренной промышленности Соли Камской были рассмотрены и основные причины, вызывавшие отход черносошных крестьян на заработки в промышленность, т. е. углубление имущественного неравенства в черносошной деревне и переход его в социальное расслоение, а также усиление фискального гнета. Это было сделано на материале Чердынского и отчасти Сольвычегодского уездов, давших

⁷ См. К. Маркс. Капитал, т. I, М., 1952, стр. 760.

⁸ Н. В. Устюгов. Указ, соч., стр. 160.

⁹ Там же, стр. 194—196.

¹⁰ Там же, стр. 187—190.

¹¹ Там же, стр. 193—194.

наибольший приток пришлой рабочей силы на соляные промыслы Соли Камской¹².

Эксплуатация наемной рабочей силы в области сельского хозяйства, в частности земледелия, не характерна для уезда Соли Камской. Земли было мало, причем почти вся она плохого качества. Своего хлеба посадку и уезду Соли Камской явно не хватало, особенно когда получила значительное развитие солеваренная промышленность. Соль Камская жила привозным хлебом, главным образом вятским, а в конце XVII — начале XVIII в., кроме того, и кунгурским.

Тем не менее, некоторые из посадских людей, особенно крупные солевары, имели развитое сельское хозяйство, основанное на эксплуатации труда половников и наемной рабочей силы — пришлой и местной¹³.

Для характеристики эксплуатации чужого труда в области сельского хозяйства более показателен материал по другим уездам Поморья — Вятскому краю, Кунгурскому и Устюжскому уездам, откуда вывозился хлеб.

* * *

Обстоятельной работы, характеризующей экономическое и социальное положение черносошной деревни Вятского края, до сих пор нет. Несомненный интерес представляет исследование В. Л. Бушуевой, которая установила, что к концу XVII в. хозяйство удмуртской и татарской крестьянской верхушки в деревнях, расположенных по Чепце, левому притоку р. Вятки, приобретает товарный характер. Деревенские богатеи, эксплуатируя труд главным образом половников, выбрасывали на рынок значительные партии хлеба. Вместе с тем в хозяйстве татарских и удмуртских богачей эксплуатировался и труд наймитов. Наймиты комплектовались главным образом из числа того же черносошного крестьянства, нерусского и русского, лишившегося своих земельных участков, перешедших к деревенским богатым по просроченным долговым обязательствам. Эти категории деревенского населения либо сажались на чужую землю в качестве половников, либо продавали свой труд деревенским богатым, как наемные работники¹⁴.

* * *

Изучению колонизации Кунгурского края в XVII в. и созданию здесь крупного хлебного рынка посвящено обстоятельное исследование А. А. Преображенского¹⁵, который убедительно показал, что зажиточная верхушка кунгурской деревни занималась производством хлеба на рынок. Богатые крестьяне Кунгурского уезда систематически вывозили на рынок хлеб «своей пахоты». Товарный характер имело земледелие и у некоторых кунгурских посадских людей. На рынок попадал и хлеб, произведенный в среднем крестьянском хозяйстве. Об этом свидетельствует систематическая продажа хлеба мелкими партиями на кунгурском рынке. Кроме того, значительная часть хлеба, добытого в рядовом крестьянском хозяйстве, попадала на рынок при посредстве скупщиков — посадских и деревенских. При этом в качестве скупщиков выступали и те богатые крестьяне, которые имели крупные собственные посеиы. В 90-х годах XVII в. на один голько соликамский рынок еже-

¹² Там же, стр. 190—193.

¹³ Там же, стр. 271—273; ЦГАДА. Книги Сибирского приказа, № 1511, лл. 58об.—63, 68об., 71об., 73—74, 78—80, 82—83, 385об.—387.

¹⁴ В. Л. Бушуева. Социально-экономические отношения Чепецкой удмуртской деревни на рубеже XVII—XVIII вв., автореф. канд. дисс., М., 1950, стр. 5—8, 10—11.

¹⁵ А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в., М., 1956.

годно поступало по 15—16 тыс. четвертей разного хлеба — ржи, ржаной муки, овса, пшеницы и круп.

Богатые крестьяне Кунгурского уезда, имевшие развитое сельское хозяйство, эксплуатировали труд половников. Но к концу XVII в. работа половников в хозяйствах богатых крестьян вытесняется «строшным наймом», т. е. трудом наемных людей, нанятых на определенный срок.

Данные кунгурских переписных книг 1703—1704 гг. показывают, что к началу XVIII столетия 13% крестьянского населения Кунгурского уезда вообще не имело земли. У 8,1% приходилось на хозяйство до 1 десятины включительно, т. е. эти хозяйства тоже фактически были лишены земли. Таким образом, более 1/3 хозяйств (21,1%) были лишены возможности заниматься земледелием.

Почти половина хозяйств (49%) имела от 1 до 4 десятин на хозяйство, т. е. менее той средней нормы (4,5 десятины пашни и 3 десятины сенокоса), которая отводилась на каждый крестьянский двор в середине XVII в. при устройстве кунгурской пашни. Иными словами, почти 3/4 крестьянских хозяйств (70,1%) не имело нормальных условий для занятия земледелием, и только 26,7% крестьянских хозяйств могут быть признаны крепкими — на каждое из них приходилось от 4 до 10 десятин. Наконец, 2,9% или 27 хозяйств имели более 10 десятин на хозяйство. Они располагали 414,75 десятинами пашни, или 12,1% всей посевной площади уезда. Это — зажиточные хозяйства, поставлявшие значительное количество хлеба на рынок.

Разумеется, эти хозяйства не могли обходиться без эксплуатации чужого труда. На земле деревенских богатеев прежде всего работала местная беднота, те крестьяне, о которых в переписных книгах 1703—1704 гг. сказано, что они «пашни за скудостью не пашут» и «кормятся черной работой меж своей братьи крестьян». Были среди наймитов и пришлые люди, которые прибыли в поисках заработка в Кунгурский уезд из других уездов страны. К сожалению, в источниках сохранилось очень мало сведений о том, на каких условиях нанимались эти крестьяне на сельскохозяйственные работы. Встречаются указания на годовую плату в сумме 2—4 руб. и поденную в размере 2 алтын¹⁶. Чрезвычайно важно подчеркнуть тот факт, что малоземельный или вовсе лишенный земли кунгурский крестьянин находил себе заработок путем работы по найму в хозяйстве своих богатых односельчан.

Часть крестьянской бедноты находила применение своему труду в обслуживании водного транспорта по Сылве, Чусовой и Каме¹⁷. Некоторые из обедневших крестьян покидали Кунгурский уезд и шли дальше в Сибирь. Очень интересные данные по этому вопросу содержатся в переписных книгах 1710 г. населения слобод Тобольского уезда, расположенных по рекам Миясу и Тоболу в районе впадения Мияса в Исеть, а Исети в Тобол. Среди пришлых людей, искавших себе временного или постоянного приюта в названных слободах, оказалось немало кунгурцев. Так, в слободе Усть-Суерской с деревнями, расположенной на берегу Тобола, было зарегистрировано пришлого населения 81 человек обоего пола. Из них 50 человек, или 61,7%, являлись выходцами из Кунгура и его уезда¹⁸.

В другой, более поздней работе «О наемном труде в крестьянском хозяйстве на Урале в конце XVII — начале XVIII в.» А. А. Преображенский более подробно рисует условия, на которых срочные работники нанимались в крестьянское хозяйство. Автору не удалось обнаружить письменных условий рабочего человека с нанимателем. По-видимому, имела место устная договоренность. За свой труд рабочий человек

¹⁶ А. А. Преображенский. Указ. соч., стр. 96—217.

¹⁷ Там же, стр. 202—203.

¹⁸ ЦГАДА, Книги Сибирского приказа, № 1526, лл. 247об.—275об.

получал и денежную и натуральную оплату — хлебом, посевом хлеба для себя на хозяйской земле, скотом. Работный человек всегда мог уйти с работы и при этом получал полностью плату за проработанное время. В качестве наемных работников выступала крестьянская и посадская беднота, работодателей — «зажиточные крестьяне, чьи хозяйства были тесным образом связаны с товарным производством, с рынком»¹⁹.

Таким образом, на основании исследований А. А. Преображенского можно сказать, что процесс обезземеления, лишения черносошного крестьянства основного средства производства — земли захватил не только такой промышленный и имеющий малоплодородную землю уезд, как Соликамский или близкие к нему по хозяйственным условиям уезды Чердынский и Сольвычегодский, но и плодородный Кунгурский уезд, где земля обильно вознаграждала приложенный к ней труд. Те же причины, которые вызывали отрыв крестьян от сельскохозяйственного производства в Соликамском, Чердынском и Сольвычегодском уездах, действовали и в Кунгурском.

* * *

Аналогичную картину можно наблюдать и в таком крупном сельскохозяйственном районе Поморья, каким был уезд Устюга Великого.

Хозяйственной характеристике Устюга Великого и его уезда в XVII в. посвящены две монографии: А. Ц. Мерзона «Рынок Устюга Великого во второй четверти XVII в.» и Ю. А. Тихонова «Рынок Устюга Великого в 50—70-х годах XVII в.», опубликованные в 1960 г. в одной книге под общим заглавием: «Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век)».

Как отмечают оба исследователя, в уезде Устюга Великого было развито товарное производство хлеба, особенно в зажиточных крестьянских хозяйствах. Хлеб поступал на рынок и из хозяйств средней зажиточности. Необходимость уплаты казенных повинностей заставляла крестьян продавать на рынке не только хлебные излишки, но и необходимое продовольствие. Об этом свидетельствует продажа хлеба мелкими партиями на устюжском рынке и покупка хлеба на казенной винокурне тоже мелкими партиями. Но основную массу товарного хлеба поставляли зажиточные крестьяне, которые привозили на устюжский рынок крупные партии хлеба «своей пахоты». По данным за 1650—1680 гг., зажиточные крестьяне доставили на устюжский рынок 35 705 мер (или 107 115 пудов) ржи — основного хлеба, производившегося в Устюжском уезде. Это сведения лишь о крупных партиях хлеба, регистрировавшихся в таможенных книгах. Ежегодная продажа крестьянского хлеба на устюжском рынке в среднем в год составляла 1879 мер или 5637 пудов.

Но крупными партиями хлеба, поставленными на устюжский рынок, не исчерпывалась крестьянская хлебная торговля Устюжского уезда. Значительное количество разного хлеба, в том числе ржи, приобреталось головами кружечных дворов на казенные винокурни. Всего в 50—70-х годах XVII в. было приобретено у крестьян Устюжского уезда 13 438 мер или 40 314 пудов. В среднем на год приходится 746,5 меры или 2239,5 пуда.

Крестьяне Устюжского уезда продавали хлеб «своей пахоты» не только на местном рынке и головам кружечных дворов. Значительные партии своего хлеба они вывозили на север, в Холмогоры и Архан-

¹⁹ А. А. Преображенский. О наемном труде в крестьянском хозяйстве на Урале в конце XVII — начале XVIII в. «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)», сб. статей, М., 1958, стр. 38—52.

гельск. Вывоз ржи зафиксирован за 1666—1680 гг. За этот период рожь вывозилась фактически в течение девяти лет. Всего было вывезено 4506,5 меры или 13 519,5 пуда. Размер ежегодного вывоза ржи в среднем составлял 500 мер или 1500 пудов в год. Кроме того, рожь продавалась мелкими партиями на рынке, и эти партии подробно не фиксировались в таможене, записывалась лишь общая сумма так называемого площадного сбора. Трудно точно учесть количество проданного таким образом хлеба. Можно только сказать, что крестьяне ежегодно продавали на устюжском рынке и на винокурне и вывозили на север более 3125 мер или 9375 пудов²⁰.

Такими чертами рисуется хлебная торговля самих непосредственных производителей Устюжского уезда — крупных и мелких. Но хлеб, выращенный крестьянами, попадал на рынок и через скупщиков. В качестве скупщиков выступали главным образом посадские люди, но немало среди них было и богатых крестьян. В течение XVII в. количество скупщиков неуклонно росло. Скупщики постепенно оттесняли от рынка непосредственных производителей, главным образом средних и мало-мощных крестьян. В результате через скупщиков поступало хлеба на рынок значительно больше, чем непосредственно от крестьян.

Имеются сведения о скупке хлеба на Устюжском рынке за тот же период, за какой приводились данные по крестьянской торговле, т. е. за 1650—1680 гг. Конкретные сведения имеются за 20 лет из этого 30-летнего периода. Всего за 20 лет было скуплено ржи 109 777,25 меры или 329 331,75 пуда. В среднем на один год приходится 5488,86 меры или 16 466,58 пуда²¹. Следовательно, крестьяне Устюжского уезда ежегодно продавали непосредственно и через скупщиков не менее 8613 мер или 25 839 пудов.

Хлебная производительность Устюжского уезда не исчерпывается только хлебом, добытым в крестьянском хозяйстве. Посадские люди Устюга Великого имели деревни в уезде и продавали на рынке хлеб своих деревень. Немало выбрасывали на рынок хлеба и монастыри и приходские храмы Устюга Великого и Устюжского уезда. Если крестьянин средней зажиточности или бедняк обрабатывал пашню личным трудом, то в хозяйстве богатых крестьян, посадских людей, монастырей и церковей товарный хлеб добывался на основе эксплуатации чужого труда.

Основной формой эксплуатации чужого труда в крупных хозяйствах Устюжского уезда было половничество. Хозяин половника — обедневшего крестьянина, потерявшего землю, но сохранившего живой и мертвый инвентарь — получал в результате эксплуатации его труда товарный хлеб, который и сбывал на рынке.

О том, что именно половничество было основной формой эксплуатации чужого труда в сельском хозяйстве Устюжского уезда, убедительно свидетельствуют данные о количестве половников в названном уезде. По данным писцовых книг 20-х годов XVII в., в Устюжском уезде числилось 1205 половничьих дворов, что составляло 17% всех дворов в уезде. В 70-х годах количество половничьих дворов возросло до 1852, а их удельный вес поднялся до 22%²².

Половничество было основной, но не единственной формой эксплуатации чужого труда в сельском хозяйстве Устюжского уезда. По источникам как первой, так и второй половины XVII в., прослеживается наличие людей, работавших по найму в сельском хозяйстве, особенно во время наиболее напряженных сезонов сельскохозяйственных работ, т. е. во время сенокоса и жатвы. Эти люди нанимались либо поденно, либо

²⁰ А. Ц. Мерзон и Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 505—533.

²¹ Там же, стр. 537—551.

²² М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. I, М., 1909, стр. 136; Приложение II, стр. 64—65.

на тот или иной срок. В качестве наемных работников выступали как пришлые люди, так и местные разоренные крестьяне²³.

Обедневшие крестьяне Устюжского уезда находили работу и вне сельского хозяйства. Как и посадские люди Устюга Великого, они работали по обслуживанию водного транспорта. По территории Устюжского уезда проходил Сухоно-Двинский водный путь, один из важнейших торговых путей страны. Рабочую силу для обслуживания этого пути давало население посадов и уездов, расположенных по Сухоне и Двине, в том числе, конечно, и Устюга Великого, и его уезда²⁴.

Работа по обслуживанию водного транспорта носила сезонный характер и приводила лишь к временному отрыву населения от сельского хозяйства. Наряду с этим А. Ц. Мерзон и Ю. А. Тихонов отмечают и более длительный отход крестьян на заработки. Иногда это было уходом навсегда: ушедший на заработки не возвращался на старое место жительства. Можно отметить и два основных направления ухода. Во-первых, бегство в Сибирь, где разоренный крестьянин Устюжского уезда вновь садился на землю и восстанавливал свое крестьянское хозяйство. Во-вторых, отход на заработки в промышленность.

Отход в промышленность особенно усилился с 60-х годов XVII в. Часть крестьян находила заработок в городской промышленности Устюга Великого — кожевенной, винокуренной, солодовенной, салотопенной и т. д. Гораздо больше уходило и крестьян и посадских людей в крупнейший промышленный центр Поморья — Соль Камскую, где на соляных промыслах посада и уезда был постоянный спрос на рабочую силу. За третью четверть XVII в. отход на заработки крестьян Устюжского уезда определился в 310 человек, из них 245 человек, или 79%, направилось в Соль Камскую с ее уездом и в Чердынский уезд, где заготавливались дрова для соликамской солеваренной промышленности и строились соляные лады. Еще более значительную цифру дает отход посадского населения Устюга Великого за тот же период. Общее количество посадских людей, ушедших на заработки, составляет 1162 человека, из них 1025 человек, или 88,2%, направилось в Соль Камскую и Чердынь²⁵.

* * *

Весьма интересны и ценны наблюдения П. А. Колесникова, изучавшего социально-экономические отношения в Тотме на посаде и отчасти в Тотемском уезде²⁶. В Тотме, как и у Соли Камской, были соляные промыслы, хотя и менее крупные. Они представляли постоянный спрос на рабочую силу, которая комплектовалась из посадского населения Тотмы, крестьян Тотемского уезда и пришлых людей. Не менее 150 человек посадского и крестьянского населения было занято на соляных промыслах Тотмы. Кроме того, был соляной промысел Усовых-Грудцыных в Леденгском усолье Тотемского уезда, где ежегодно работало до 100 человек наемных рабочих людей.

Тотьма, как и Устюг Великий, расположена на Сухоно-Двинском водном пути и была одним из важнейших пунктов, где происходила смена рабочих людей, обслуживающих водный транспорт. По подсчетам П. А. Колесникова, на тотемском участке Сухоно-Двинского водного пути требовалось ежегодно не менее 10 тыс. рабочих людей.

²³ А. Ц. Мерзон и Ю. А. Тихонов. Указ. соч., стр. 363—364, 608—609.

²⁴ Там же, стр. 365, 497—499, 609.

²⁵ Там же, стр. 498—502, 608—613.

²⁶ П. А. Колесников. Из истории классовой борьбы вологодских крестьян в XVII веке. Вологда, 1957; Его же. Социально-экономические отношения на Тотемском посаде в XVII в. «История СССР», № 2, 1958, стр. 131—143.

Движение населения Яренского уезда в 40—70-х годах XVII в.

По переписным книгам 1646 г. ¹						По переписным книгам 1678 г. ²					
количество дворов			численность населения			количество дворов			численность населения		
наименование	абс.	%	наименование	абс.	%	наименование	абс.	%	наименование	абс.	%
1. Волости по среднему течению р. Вычегды											
Крестьянских	1154	83,6	Крестьян	2793	77,3	Крестьянских	1146	73,4	Крестьян	3162	74,0
Бобыльских	226	16,4	Бобылей	443	12,0	Бобыльских	393	21,8	Бобылей	659	15,4
			Бездворных бобылей	386	10,7	Вдовых	21	1,3	Вдов и их детей	37	0,9
Итого	1380	100,0	Итого	3612	100,0	Половничьих	52	3,3	Половников	146	3,4
						Монастырских вкладчиков	3	0,2	Вкладчиков	13	0,3
						Итого	1561	100,0	Бездворных бобылей	127	3,0
									Захребетников	99	2,3
									Соседей	29	0,7
									Подсоседников	3	—
									Итого	4275	100,0
2. Волости по р. Выми											
Крестьянских	50	29,6	Крестьян	107	35,0	Крестьянских	96	46,2	Крестьян	274	50,4
Бобыльских	119	70,4	Бобылей	183	59,8	Бобыльских	107	51,4	Бобылей	235	43,2
Итого	169	100,0	Бездворных бобылей	16	5,2	Вдовых	2	1,0	Вдов и их детей	3	0,5
			Итого	306	100,0	Половничьих	3	1,4	Половников	8	1,5
						Итого	208	100,0	Бездомных бобылей	20	3,7
									Соседей	4	0,7
									Итого	544	100,0
3. Усть-Вымская вотчина Вологодского архиепископа											
Крестьянских	109	75,2	Крестьян	242	76,1	Крестьянских	115	66,5	Крестьян	379	69,5
Бобыльских	36	24,8	Бобылей	56	17,6	Бобыльских	54	31,2	Бобылей	123	22,6
Итого	145	100,0	Бездворных бобылей	20	6,3	Вдовых	4	2,3	Вдов и их детей	8	1,5
			Итого	318	100,0	Итого	173	100,0	Бездворных бобылей	29	5,3
									Соседей	6	1,1
									Итого	545	100,0
4. Волости по р. Удоре											
Крестьянских	101	42,3	Крестьян	266	55,3	Крестьянских	131	44,9	Крестьян	475	54,5
Бобыльских	138	57,7	Бобылей	208	43,2	Бобыльских	147	50,3	Бобылей	365	41,8
Итого	239	100,0	Бездворных бобылей	7	1,5	Вдовых	12	4,1	Вдов и их детей	25	2,9
			Итого	481	100,0	Монастырских крестьян	2	0,7	Монастырских крестьян	6	0,7
						Итого	292	100,0	Бездворных бобылей	1	0,1
									Итого	872	100,0

5. Волости по р. Мезени

Крестьянских	74	69,2	Крестьян	207	73,9	Крестьянских	87	78,4	Крестьян	218	83,5
Бобыльских	33	30,8	Бобылей	51	18,2	Бобыльских	21	18,9	Бобылей	37	14,2
			Бездворных бобылей	22	7,9	Вдовьих	3	2,7	Вдов и их детей	6	2,3
Итого	107	100,0	Итого	280	100,0	Итого	111	100,0	Итого	261	100,0

6. Волости в верховьях р. Вычегды

Крестьянских	73	83,6	Крестьян	153	87,4	Крестьянских	93	68,4	Крестьян	346	69,8
Бобыльских	12	16,4	Бобылей	18	10,3	Бобыльских	43	31,6	Бобылей	114	22,9
			Бездворных бобылей	4	2,3				Бездворных бобылей	15	3,0
Итого	73	100,0	Итого	175	100,0	Итого	136	100,0	Соседей	21	4,3
									Итого	496	100,0

7. Волости по р. Сысоле

Крестьянских	566	79,7	Крестьян	1347	79,8	Крестьянских	649	76,9	Крестьян	1972	78,9
Бобыльских	144	20,3	Бобылей	260	15,4	Бобыльских	188	22,3	Бобылей	416	16,6
			Бездворных бобылей	81	4,8	Вдовьих	7	0,8	Вдов и их детей	12	0,5
Итого	710	100,0	Итого	1688	100,0	Итого	844	100,0	Бездворных бобылей	93	3,7
									Соседей	7	0,3
									Итого	2500	100,0

8. По всему Яренскому уезду

Крестьянских	2115	74,9	Крестьян	5115	74,5	Крестьянских	2317	69,7	Крестьян	6826	71,9
Бобыльских	708	25,1	Бобылей	1219	17,7	Бобыльских	899	27,0	Бобылей	1949	20,5
			Бездворных бобылей	536	7,8	Вдовьих	49	1,5	Вдов и их детей	91	1,0
Итого	2823	100,0	Итого	6870	100,0	Половничьих	55	1,7	Половников	154	1,6
						Монастырских вкладчи- ков и крестьян	5	0,1	Монастырских вкладчиков и крестьян	19	0,2
						Итого	3325	100,0	Бездворных бобылей	285	3,0
									Захребетников	99	1,1
									Соседей	67	0,7
									Подсоседников	3	—
									Итого	9493	100,0

¹ ЦГАДА, Писцовые и переписные книги, № 143, Переписные книги 1646 г. по Яренску, переписи Петра Александровича Граевского и подьячего Феофана Протопопова, лл. 13об.—421.

² Там же, № 15057, Переписные книги 1678 г. по Яренску, переписи Ивана Васильевича Ельчанинова и подьячего Семена Безсонова, лл. 18—590 об.

Эту рабочую силу давали посадские люди Тотьмы и Устюга Великого, но главным образом крестьянское население прибрежных волостей Тотемского, Устюжского и Важского уездов²⁷.

Разорение беднейшего крестьянства в результате углубления имущественного неравенства, переходящего в социальное расслоение, и усиление фискального гнета имели своим следствием отрыв от средств производства и тотемского крестьянства. Экономические и социальные явления, которые были характерны для крестьянства Соликамского, Чердынского, Сольвычегодского, Кунгурского и Устюжского уездов XVII в., характерны и для крестьянского населения Тотемского уезда.

Отрыв крестьян от средств производства и поиски ими заработка в промышленности путем продажи своей рабочей силы, т. е. работы по найму, представляет собой новое и весьма существенное явление, характерное именно для XVII в. и свидетельствующее о начальной стадии процесса социального расслоения черносочной деревни.

* * *

Аналогичные явления наблюдались в XVII в. и в Яренском уезде. Яренский уезд, имеющий огромную территорию, с редким населением, разобленную лесами и болотами, был неоднороден в хозяйственном отношении. Для 70-х годов XVII в. можно отметить по крайней мере 7 районов, слабо связанных между собой. 6 из этих районов в 70-х годах XVII в. были заселены черносочными крестьянами, один являлся частновладельческой вотчиной архиепископа Вологодского и Белозерского.

Переписные книги 1646 и 1678 гг. позволяют проследить динамику движения населения Яренского уезда за середину XVII в. В этом источнике главное внимание уделено населению, меньше данных содержится о хозяйстве.

Приведенная нами таблица составлена по переписным книгам 1646 и 1678 гг. и дает представление о движении населения Яренского уезда за середину XVII в.

Важнейшими категориями крестьянского населения, как видно из таблицы, являлись крестьяне и бобыли. Количественное соотношение между этими двумя группами дает некоторое представление и о динамике развития хозяйства края. Сокращение числа крестьянских дворов и рост бобыльских — показатель некоторого хозяйственного упадка, разорения хозяйства, особенно в волостях и погостах, где население занималось главным образом сельским хозяйством, т. е. земледелием и скотоводством. Переписчики 1678 г. И. В. Ельчанинов и подьячий С. Безсонов, отмечая расхождение новых данных о количестве населения с предшествующим описанием, обычно требовали сведений у местного населения о причинах этого расхождения. Так, в погосте Цылибская гора с деревнями оказалось, что по сравнению с переписью 1646 г. убыло 16 дворов крестьянских и прибыло 14 дворов бобыльских. Земский целовальник этой волости Ларийон Суранов и крестьяне объяснили переписчикам, что «которые убыли перед прежними переписными книгами крестьянские дворы, и те крестьяне, оскудав, живут в бобылях. А иные померли з женами и з детьми»²⁸. Аналогичные объяснения убыли крестьянских дворов и роста бобыльских дали крестьяне Окологородной волости, погоста Ошланья, погоста Чакульского и др.²⁹.

В районах промысловых вообще характерно преобладание бобылей над крестьянами. Это особенно бросается в глаза в данных по воло-

²⁷ П. А. Колесников. Из истории классовой борьбы вологодских крестьян в XVII в., стр. 6—20.

²⁸ ЦГАДА, Писцовые и переписные книги, № 15057, лл. 86об.—87.

²⁹ Там же, лл. 47об., 124об., 125, 231об. и др.

стям, расположенным по р. Выми, где население занималось охотой и работало на Сереговском соляном промысле гостей Панкратьевых, а также в отдаленном охотничьем районе — волостях по р. Удоре.

Анализ материалов таблицы показывает, что основными сельскохозяйственными районами края являлись волости по среднему течению Вычегды, по Сыsole и в верховьях Вычегды. Последний район усиленно колонизовался в период между переписями 1646 и 1678 г. За это время количество дворов здесь возросло почти вдвое, а население — более чем в два с половиной раза. Значительный рост населения наблюдался и в важном сельскохозяйственном районе края — волостях по Сыsole. Менее интенсивен рост населения в промысловых волостях по рекам Выми и Удоре. Сюда же следует отнести и вотчину Вологодского архиепископа. И совсем слаб рост населения в земледельческо-промысловых волостях по р. Мезени.

Гораздо интереснее данные переписных книг о населении.

Несмотря на наличие земледелия, Яренский уезд не может считаться одним из основных земледельческих районов Поморья. Малопродуктивная почва и суровый климат скупно вознаграждали труд земледельца.

Показателем успехов земледелия в поморских уездах, его товарности является рост половничества. В одном из крупнейших сельскохозяйственных районов Поморья — Устюжском уезде — по писцовым книгам 20-х годов XVII в., значилось уже, как было сказано, 1205 половничьих дворов, что составляло 17% общего количества дворов в уезде. По данным 70-х годов, число половничьих дворов увеличилось до 1852—22% общего количества дворов³⁰. В Яренском уезде число половничьих дворов ничтожно. Переписчики 1646 г. даже не нашли нужным отметить общее их количество в своих итогах. Правда, изучение текста переписных книг 1646 г. позволяет установить, что в 1646 г. в Яренском уезде насчитывалось 53 половничьих двора, из них — 39 дворов в волостях по среднему течению Вычегды, 6 в вотчине Вологодского архиепископа и 8 в волостях по Сыsole, т. е. главным образом в основных сельскохозяйственных районах уезда³¹.

Не изменилось по существу положение и в 70-х годах XVII в. Как свидетельствуют материалы таблицы, по переписным книгам 1678 г. зарегистрировано всего 55 половничьих дворов, т. е. 1,7% от общего количества дворов. Половники были главным образом в волостях по среднему течению Вычегды.

Труд половников использовался в сельском хозяйстве Яренского уезда явно недостаточно. Чем это объясняется? Можно говорить о недостаточном развитии сельского хозяйства уезда, об отсутствии насущной потребности в эксплуатации труда половников.

Думается, что половники, предлагавшие свой труд в области сельского хозяйства, имели довольно сильных конкурентов в лице так называемых бездворных бобылей, наличие которых в волостях Яренского уезда фиксируют переписные книги 1646 г., почти не указывая при этом, откуда появилась такая категория населения и чем эти люди занимались. Отдельные беглые замечания переписчиков позволяют считать, что в качестве бездворных бобылей встречались иногда деревенские ремесленники. Так, в погосте на Сереговой горе во дворе бобыля Ермолая Дмитриева отмечены бездворные бобыли Никита Данилов и Лука Сидоров, причем первый из них назван «портным мастером»³². На посаде Турье во дворе крестьянина Кондратия Евстафьева Волкова указан бобыль Иван Данилов иконник³³.

³⁰ М. М. Богословский. Указ. соч., стр. 136; Приложение II, стр. 64—65.

³¹ ЦГАДА, Писцовые и переписные книги, № 143, лл. 130б.—238, 331, 419.

³² Там же, л. 246.

³³ Там же, лл. 267об.—268.

В более позднем источнике, переписных книгах 1678 г., есть определенные указания, откуда появились бездворные бобыли и чем они занимались. Так, о крестьянине Сереговского погоста Ерофее Андрееве Отеве сказано, что он двор свой и пашню продал гостю И. Д. Панкратьеву, а сам «живет в бездворных бобылях». Таково же происхождение и другого бездворного бобыля того же погоста Ивана Алексеева Туркиных. Он тоже продал двор и пашню И. Д. Панкратьеву, а сам «скитаецца в бездворных бобылях»³⁴.

Таким образом, происхождение бездворных бобылей выясняется довольно отчетливо. В прошлом это черносошные крестьяне, которые в силу тех или иных причин были вынуждены продать свой двор и пашню.

Иногда ранее сиротство превращало крестьянского мальчика в бездворного бобыля. Так, переписчики 1678 г. отметили в деревне Кыркоц, приписанной к Княж-погосту, пустой двор крестьянина Ивана Космортова, который «помер в давних летех». Оставшиеся после него сыновья — Анисим и Иван должны были искать себе пропитания. Когда они выросли, первый устроился половником в деревне гостя И. Д. Панкратьева, а о втором сказано, что он «живет, переходя, в бездворных бобылях»³⁵.

Не оставляют переписные книги 1678 г. сомнения и в том, чем занимались бездворные бобыли — это черная работа. Так, во дворе яренского посадского человека Ивана Матвеева Наумова жил «для работы» бездворный бобыль Иван Васильев. О бездворных бобылях Сереговского погоста Иване и Якове Зиновьевых Гычевых сказано, что они «кормятца черною работою». Бездворные бобыли деревни Коквицы, входившей в состав Усть-Вымской вотчины Вологодского архиепископа, Иван Иванов, Василий Иванов Халдеев с сыном Алексеем и Тимофеем Петров Першуков с сыновьями, по свидетельству переписных книг 1678 г., «кормятца в мире»³⁶.

Записи переписных книг предельно кратки. Тем не менее, они дают основание сказать, что бездворные бобыли — это беднейшая часть деревни Яренского уезда, люди, лишенные средств производства и вынужденные кормиться случайной работой по найму.

Следует отметить еще одно обстоятельство. Наибольшее количество бездворных бобылей приходится либо на те погосты, где было развитое сельское хозяйство, т. е. по среднему течению Вычегды и по Сыsole, либо на погосты по Выми, где был соляной промысел Панкратьевых, т. е. там, где был спрос на рабочую силу для сельскохозяйственного и промышленного производства.

Как показывают материалы таблицы, количество бездворных бобылей к 70-м годам XVII в. уменьшилось. В переписных книгах 1646 г. было зарегистрировано 536 человек бездворных бобылей, по переписным книгам 1678 г. их значится только 285.

Едва ли можно говорить о сокращении этой категории населения. В переписных книгах 1646 г. учтены только крестьяне, бобыли, живущие во дворах, и бездворные бобыли. Переписчики 1678 г. более дифференцированно подошли к различным категориям сельского населения Яренского уезда. Кроме крестьян, бобылей во дворах и бездворных бобылей, они отдельно учли население вдовьих дворов, близкое по своему положению к бездворным бобылям, половников и тот обедневший люд, который ютился по чужим дворам, — захребетников, соседей и подсоседников. Если подсчитать все эти группы населения и прибавить к количеству бездворных бобылей, то получится 699 человек, более, чем было учтено при переписи 1646 г.

³⁴ ЦГАДА. Писцовые и переписные книги, № 15057. л. 320.

³⁵ Там же, л. 306об.

³⁶ Там же, лл. 10, 321 об., 361 об.— 362 об., 364.

Как уже было отмечено, волости по среднему течению Вычегды являлись развитым сельскохозяйственным районом. Почти все половники зарегистрированы переписчиками 1678 г. именно в этих волостях (см. табл.). А вот в волостях по Сыsole, тоже крупном сельскохозяйственном районе, не зарегистрировано ни одного половника.

Трудно допустить, чтобы богатые крестьяне Сысольских волостей обходились без эксплуатации чужого труда. Например, на территории погоста Иб Большой в погостце Иб Меньший по переписным книгам 1678 г. значится крестьянин Филипп Трифонов Муравьев. Кроме собственного двора, в котором он живет с тремя взрослыми сыновьями, одним малолетним и малолетним же внуком, Ф. Т. Муравьев владеет на территории погоста целой деревней Павловской, жители которой за 20 лет до этого сошли в Сибирь. К нему же перешли два двора и два пашенных участка крестьян Корнила Евсеева и Василия Родионова Вавилина, тоже переселившихся в Сибирь. Ярким доказательством того, что Ф. Т. Муравьев относится к зажиточным слоям сысольской деревни, служит постройка им на свой счет церкви и дворов для священнослужителей в погосте Чулиб на территории, относящейся к погосту Иб Большой³⁷. Едва ли такое хозяйство могло обходиться без эксплуатации чужого труда. Тем более, что сам Ф. Т. Муравьев занимался торговлей и нередко отлучался по своим делам на Вятку и в Устюг Великий. Его торговые операции нашли отражение в устюжских и сольвычегодских таможенных книгах³⁸. Вполне вероятно, что Ф. Т. Муравьев использовал в своем хозяйстве труд именно бездворных бобылей, которых на территории Сысольских волостей переписчики 1678 г. зарегистрировали 93 человека, или 3,7% по отношению ко всему тяглу населению волостей (см. табл.).

Кроме половников и бездворных бобылей, переписчики 1678 г. зарегистрировали захребетников, соседей и подсоседей. К сожалению, ни в русской дореволюционной, ни в советской исторической литературе нет исследования, которое внесло бы полную ясность в вопрос о захребетниках. Обычное понимание этого термина: захребетник — человек, живущий за чужой спиной, т. е. не несущий ни хозяйственной ни податной ответственности, которая лежит на ком-то другом. Этот другой эксплуатирует труд захребетника. Материалы переписных книг 1678 г. по Яренску не противоречат такому представлению о захребетниках. Всего переписчики 1678 г. учли 99 захребетников (1,1% по отношению ко всему населению уезда). Захребетники зарегистрированы только в волостях по среднему течению Вычегды. Немало их в дворах богатых крестьян Осколковых. Так, у Петра Андреева Осколкова в деревне Молокотинской на территории погоста Цылибская гора числилось 5 взрослых захребетников. У его братьев Никиты и Афанасия в соседней деревне Алексеевской было тоже 5 захребетников. Из них трое взрослых и два мальчика 13-ти лет³⁹. Думается, что эти захребетники работали в хозяйстве Осколковых, и едва ли может быть другое объяснение. То же объяснение можно дать и присутствию захребетника Степана Терентьева Неумои во дворе богатого крестьянина деревни Иельской Самсона Прокопьева Иельского, выборного земского целовальника погоста Шонома⁴⁰.

Захребетниками нередко бывали пришлые люди. Так, у крестьянина погоста Туглима Ивана Григорьева жил захребетник Федор Сергеев, пришедший из погоста Шонома. У крестьянина погоста Ошлапя Поликарпа Михайлова Кобылкина жил в качестве захребетника поляк

³⁷ ЦГАДА, Писцовые и переписные книги, № 15057, лл. 506—508об.

³⁸ «Таможенные книги Московского государства XVII в.», т. III, М.—Л., 1951, стр. 27, 469.

³⁹ ЦГАДА, Писцовые и переписные книги, № 15057, лл. 80—80об.

⁴⁰ Там же, лл. 135об., 154об.

Федор Павлов. В деревне Харитоновской того же погоста во дворах крестьян Леонтия Михайлова Данилова и Петра Савина Ивашина жило по захребетнику — Тихон Игнатъев и Василий Трифонов. Оба захребетника — выходцы из Ижемской слободки⁴¹. Не являются ли в данном случае захребетники только квартирантами, людьми, снимающими помещения? К этой мысли приводит наличие упомянутого захребетника Тихона Игнатъева у крестьянина Л. М. Данилова. Л. М. Данилов — недавний житель деревни Харитоновской. Раньше он жил в деревне Усть-Котовы речки на территории Ляльского погоста, а в год переписи сошел «кормитца, а живет в Еренском ж уезде на погосте в Ошлапье». Свою пашню он оставил племяннику Савве Фокину⁴². Едва ли крестьянин, переселившийся с малоплодородной территории Ляльского погоста в хлебородный погост по Вычегде с целью прокормиться, начал устройство на новом месте с эксплуатации чужого труда.

Что захребетник мог быть только квартирантом, свидетельствует наличие захребетников у бобылей. В деревне Бор на территории погоста Ошлапья у бобыля Ивана Кондратьева Коркина переписчики 1678 г. зарегистрировали захребетника Владимира Трифонова Балекина. У другого бобыля деревни Харитоновской того же погоста Василия Иванова Корманова они зарегистрировали захребетника Ивана Романова⁴³. Невозможно представить бобыля в роли эксплуататора чужого труда. Очевидно, здесь речь идет о предоставлении помещения.

Наконец, в переписных книгах 1678 г. встречается понятие захребетник в том значении, которое хорошо известно по материалам XIX в. — «мирской захребетник», иждивенец, сирота, которого взяли на воспитание. За крестьянином деревни Курчим на территории Ленского погоста Лукой Марковым Ярыгиным значится захребетник Иван Иванов 13-ти лет. Того же возраста захребетник Кондратий Федоров записан во дворе крестьянина деревни Харитоновской погоста Ошлапья Петра Федорова Туркина. Во дворе крестьянина деревни Заборье (на территории погоста Шенома) Григория Елфимова Сурановского зарегистрирован в качестве захребетника десятилетний мальчик Кирилл Иванов Пронин⁴⁴. Дети-захребетники могли быть только иждивенцами, воспитанниками.

Вопрос об исчерпывающем содержании понятия «захребетник» пока остается открытым. Собрано еще мало материалов для окончательного его решения.

В переписных книгах 1678 г. упомянуто 67 соседей. Переписные книги по некоторым поморским посадам и уездам, в частности по Соли Камской, не знают понятия «сосед». Зато в них постоянно встречается понятие «подворник», ни разу не упомянутое яренскими переписчиками 1678 г. Под подворниками соликамские переписчики 1678 г. кн. Федор Федорович Бельский и подьячий Василий Меншиков разумели съемщиков помещений, квартирантов, лиц, не находящихся ни в какой зависимости от хозяина двора⁴⁵. В писцовых и переписных книгах городов великорусского центра, в частности Калуги и Ярославля, встречается понятие «сосед», но не упоминается «подворник». Анализ материалов по Ярославлю, произведенный В. Н. Колеченковой, привел ее к убедительному выводу, что соседи — это съемщики помещений, квартиранты. Иными словами, сосед и подворник идентичные понятия⁴⁶. Если

⁴¹ ЦГАДА. Писцовые и переписные книги, лл. 105—105об., 114, 121об.

⁴² Там же, лл. 121об., 327.

⁴³ Там же, лл. 119, 122об.

⁴⁴ Там же, лл. 99, 121—121об., 143об.—144.

⁴⁵ ЦГАДА, Писцовые и переписные книги, № 442 и 443, Переписные книги 1678 г. по Соли Камской, переписи кн. Ф. Ф. Бельского и подьячего В. Меншикова; Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в., стр. 146—147, 153 и др.

⁴⁶ В. Н. Колеченкова. К вопросу о соседях, как социальной категории. «Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни», М., 1961, стр. 201—207.

Яренские переписчики не пользуются термином «подворник», а употребляют термин «сосед», то есть все основания полагать, что под соседями имеются в виду квартиранты, съемщики помещений.

Наконец, в Яренских переписных книгах 1678 г. зарегистрировано трое подсоседников. Содержание понятия «подсоседник» уже давно известно. Оно выясняется из дела о подсоседнике Антоне Андрееве Мечине, жившем у устюжского посадского человека Василия Емельянова Котельникова. Это дело было опубликовано Н. П. Павловым-Сильванским в 1909 г. Поскольку в деле А. А. Мечина было предьявлено письменное условие, на основании которого он жил во дворе В. Е. Котельникова, то из него совершенно ясно, что подсоседник — это человек, живущий по житейской записи до урочного году, т. е. находящийся во временной зависимости от своего хозяина⁴⁷. Нет никаких оснований полагать, что яренские подсоседники не были людьми, работающими у своих хозяев по житейской записи до урочного года.

Таким образом, переписные книги XVII в. по Яренску содержат материал о социальном расслоении поморской деревни. Половники, захребетники, подсоседники — это продукт социального расслоения в рамках феодальной формации.

Если говорить о начальном этапе того расслоения, которое приводит в дальнейшем к капиталистическим отношениям в деревне, то наибольший интерес представляют бездворные бобыли, лица, оторванные от средств производства, не имеющие даже своего угла и получающие средства существования путем продажи своей рабочей силы.

Бездворные бобыли — это люди, лишенные средств производства, но оставшиеся на месте, перебивающиеся случайным заработком. Но немало крестьян Яренского уезда покинуло свои деревни и разбрелось по разным местам в поисках заработка. Ценные материалы по этому вопросу содержатся в переписных книгах 1646 и 1678 гг.

* * *

Переписчики 1646 г. в соответствии с данным им наказом интересовались не только наличным населением, но и тем, которое покинуло свое местожительство менее чем за 10 лет до начала переписи.

По переписи 1646 г. учтено за 14 лет — с 1631/32 г. до 1646 г. 762 случая ухода в Сибирь (временного или постоянного) и 199 случаев побега и ухода в другие места. Причем уходили крестьяне главным образом в неурожайные годы, а основным направлением побега, кроме Сибири, была хлебородная Вятская земля⁴⁸. В переписных книгах 1678 г. нашел свое отражение лишь постоянный отход⁴⁹.

Всего в переписных книгах 1678 г. зарегистрировано 385 случаев отхода. Если эти данные сопоставить с общим количеством населения Яренского уезда — 9493 человека (см. табл.), то окажется, что отходники составляют 4% ко всему населению. Наибольший процент отхода приходится на промысловые районы — волости по Выми, Удоре, Мезени и Усть-Вымскую вотчину Вологодского архиепископа. Отход из этих четырех районов составляет 294 человека или 76,4% по отношению к общему числу отходников.

Если определить удельный вес отходников по отношению к общему количеству населения этих районов, то самый высокий процент окажется в волостях по Выми. На 544 человека мужского населения этого района (см. табл.) приходится 82 отходника, или 15%. Несколько ниже этот процент в волостях по Удоре, где на 872 человека населения приходится 118 отходников, или 13,5%. Следующее место занимают воло-

⁴⁷ Н. П. Павлов-Сильванский. Акты о посадских людях закладчиках, СПб., 1909, стр. 263—265.

⁴⁸ «Очерки по истории Коми АССР», т. I, Сыктывкар, 1955, стр. 116—117.

⁴⁹ ЦГАДА, Писцовые и переписные книги, № 15057, лл. 13об.—590об.

сти по Мезени, где на 261 человека приходится 32 отходника, или 12%. Еще ниже процент ушедших в Усть-Вымской волости Вологодского архиепископа, где на 545 человек приходится 62 отходника, или 11,4%.

В абсолютных цифрах отход из Сысольских волостей немногим меньше, чем из Усть-Вымской вотчины — 59 человек или 15,3% всех отходников. Но при сопоставлении с общим количеством населения Сысольских волостей — 2500 человек — это дает ничтожный процент: 2,3. Так что отход из этих волостей был незначителен. Отход из других сельскохозяйственных районов еще меньше. Во вновь колонизируемом районе Яренского уезда по притокам Вычегды в ее верхнем течении — Вишере, Кулому и Нему — на 496 человек населения приходится 5 человек отходников, или 1%. Наконец по среднему течению Вычегды, в наиболее населенной части Яренского уезда, отход был совершенно ничтожен: на 4275 человек населения приходится 27 отходников или 0,6%. Таким образом, наибольший процент отхода приходится на промысловые районы, где охотничье хозяйство имело большее, или во всяком случае не меньшее значение, чем земледелие.

Если земледельческое хозяйство в Поморье, особенно в его северных районах, не было устойчивым, то еще менее прочным было охотничье хозяйство. Лишенный земли, а иногда двора и орудий охотничьего хозяйства, крестьянин Яренского уезда искал лучших условий жизни путем отхода иногда временного, а иногда и постоянного.

Крестьяне, дававшие переписчикам сведения об уходе своих односельчан, часто не могли указать направление ухода. Почти половина отходников сошла «неведомо куды» — 179 человек, или 46,5%. В отношении 196 человек или 53,5% имеются сведения о новом местопребывании. В переписных книгах 1678 г. указано 16 пунктов, куда направлялись крестьяне Яренского уезда, покинувшие свою деревню временно или навсегда. Но местами постоянного, систематического отхода можно считать только 4 пункта — Сибирь, другие волости Яренского уезда, Соль Камскую и Серегово.

Сибирь — традиционное место побега для чернососного крестьянства вообще и для крестьян Яренского уезда в частности. В переписных книгах 1678 г. отмечен уход 73 человек в Сибирь (18,9%). Причем, как правило, в Сибирь уходили с женами и с детьми, т. е. навсегда. Попадая в Сибирь с ее плодородной почвой, яренский крестьянин не видел необходимости в возвращении на родину. Он оставался таким же крестьянином, каким и был, только на новом месте. В социальном отношении в этом случае не происходило никаких перемен.

54 человека, или 14% общего числа отходников, разбрелось в поисках заработка по Яренскому уезду. Наибольшее количество выходов с целью поиска заработка приходится на волости по Выми и Удоре, а направлялись отходники главным образом в волости по среднему течению Вычегды, возможно в поисках временной работы. Вычегда в XVII в. — водный путь, связывающий центральные, а особенно северные, уезды Русского государства с Сибирью. По Вычегде было интенсивное движение судов. Здесь был большой спрос на рабочую силу. Вот почему отходники направлялись именно сюда. Этим же объясняется и ничтожность отхода из Вычегодских волостей. Разоренный, лишенный земли крестьянин находил здесь работу на месте.

Иногда крестьяне, бросив свой двор, бродили в поисках заработка по своей же волости. Так, в деревне Усть-Пучковой, приписанной к погосту Важгорт на р. Удоре, переписчики 1678 г. отметили пустой двор бобылки Степаниды, вдовы Семена Былькова. Ее взрослые сыновья Иван и Михаил «кормятца черною работою в розных деревнях». Аналогичные случаи отмечены и в деревне Корсюге того же погоста⁵⁰. Разо-

⁵⁰ ЦГАДА, Писцовые и переписные книги, № 15057, лл. 397об., 395.

ренный крестьянин находит себе заработок путем продажи рабочей силы своему же брату-крестьянину.

Но в плане изучения социального расслоения поморской деревни наибольший интерес представляет отход крестьян Яренского уезда к Соли Камской и в Серегово, где были соляные промыслы. В переписных книгах 1678 г. зарегистрирован уход 22 человек на заработки к Соли Камской (5,7%) и 18 человек в Серегово (4,7%): 40 человек, или 10,4% всех отходников, ушли на заработки в солеваренную промышленность. О том, какое значение имел приток пришлых людей для солеваренной промышленности Соли Камской, было сказано выше. Здесь же необходимо остановиться на Сереговских промыслах, принадлежащих гостям Ивану Даниловичу Панкратьеву и Остафию Ивановичу Филатьеву.

Отмечая отход на Сереговские промыслы, переписчики указали только 18 человек — цифру, явно заниженную. Это легко устанавливается на основании описания Сереговских солеваренных промыслов, данного в тех же переписных книгах 1678 г. В 70-х годах XVII в. близ Сереговского погоста был действующий соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева и строящийся промысел гостя О. И. Филатьева. На промысле И. Д. Панкратьева находились в действии 1 рассолоподъемная труба и 6 соляных варниц. Кроме того, вновь делали 2 трубы и строили одну варницу. Обслуживающий персонал промыслового и земледельческого хозяйства И. Д. Панкратьева состоял из 185 человек. Это прежде всего наемный приказчик и 43 человека, зависимых от И. Д. Панкратьева, т. е. его холопов и крестьян, живших вместе со своими семьями во дворах гостя при промысле и в принадлежавших ему деревнях. Кроме того, при промысле было 27 работничьих изб, где помещалась квалифицированная рабочая сила промысла — трубный мастер, солеварь, кузнецы, плотники и другие работники, обслуживавшие процесс солеварения. Всего в этих избах жили 51 человек взрослых и детей мужского пола. Наконец, в этих же работничьих избах жило еще 90 человек, работавших «из найму поденно и помесечно».

Каков состав этой рабочей силы по месту происхождения? Квалифицированные работники, получавшие денежную плату за свой труд, состояли из местных и пришлых людей. Здесь было 17 жителей Яренского уезда, главным образом выходцев из Ляльской и Турьинской волостей, расположенных по соседству с промыслом, 16 человек выходцев из Соли Галицкой, один — из русских солеваренных центров XVII в., имеющий и личную связь с гостем Панкратьевым, по происхождению галицким посадским человеком. Третье место занимают жители Тотмы и ее уезда, откуда выходили специалисты по глубокому бурению. Трубный мастер промысла И. Д. Панкратьева Влас Артемьев Чумаков как раз был выходцем из Тотемского уезда. Всего тотмян на промысле И. Д. Панкратьева числилось 11 человек. Наконец, 4 человека были выходцами из Соли Вычегодской, 2 — из Мезени и 1 — с Ваги. Таким образом, 1/3 квалифицированной рабочей силы — 17 человек из 51 — была местными людьми, уроженцами Яренского уезда, бросившими сельское хозяйство и перешедшими на работу в промышленность. Переписчики не назвали поименно тех помесечных и поденных работников, которых они насчитали 90 человек. Они лишь указали, что в работничьих избах при промысле «живут розных городов и Еренского уезду тутошних ближних волостей прихожие работные люди»⁵¹.

Промысел О. И. Филатьева еще только строился. Приказчик гостя и работные люди занимались установкой рассолоподъемных труб. При промысле был двор гостя, где жил приказчик и «срощные наемные лю-

⁵¹ ЦГАДА, Писцовые и переписные книги, № 15057, лл. 330—335об.

ди» — 3 человека, из которых 1 — уроженец Яренского уезда. Кроме двора, на промысле было 3 избы работных людей, где зарегистрировано 8 человек работных людей, главным образом выходцев из Соли Вычегодской. Это постоянные работники промысла. Наконец, переписчики отметили, что на установке соляных труб было занято «работных людей 24 человека Еренского уезду розных волостей, а работают они из найму — помесечно и понеделно и поденно»⁵².

Таким образом, на Сереговских промыслах зарегистрировано минимум 42 работных человека уроженцев Яренского уезда — 17 на промысле И. Д. Панкратьева и 25 на промысле О. И. Филатьева. Вопрос о том, сколько уроженцев Яренского уезда было в числе 90 работных людей, указанных на промысле И. Д. Панкратьева, остается открытым. Едва ли можно сомневаться в том, что большинство из них были местными жителями.

Следовательно, на Сереговских промыслах наблюдаются те же явления, что и у Соли Камской, только в меньшем масштабе. Промыслы в основном обслуживались наемной рабочей силой. Эти работные люди в значительной своей части местного происхождения. Недавние крестьяне, лишившиеся по той или иной причине земли и порвавшие связь со своим прежним хозяйством, они нашли себе заработок по найму в солеваренной промышленности. Процесс социального расслоения черносошной деревни Яренского уезда налицо. Одни из крестьян, порвавших связь со своим сельским хозяйством, нашли приложение своему труду в промышленности, другие обслуживали водный транспорт по Вычегде, третьи перебивались черной работой в земледельческом и промысловом хозяйстве уезда.

* * *

Таким образом, в Яренском, как и в других уездах Восточного Поморья — Тотемском, Устюжском, Сольвычегодском, Соликамском, Чердынском, Кунгурском, Вятском крае, наблюдаются сходные явления — углубление имущественного неравенства и перерастание его в социальное расслоение. Степень интенсивности этого процесса различна, но направление развития едино. Все это дает основание относить начало процесса социального расслоения русской черносошной деревни именно к XVII в.

Автор настоящей работы предлагает рассматривать эти явления в плане изучения генезиса капиталистических отношений в Русском государстве.

Хозяйственное и социальное развитие Русского государства в XVII в. противоречиво. С одной стороны, можно отметить укрепление феодальных отношений. Сюда следует отнести усиление барщины — переход к отработочной ренте с целью получения возможно большего количества сельскохозяйственных продуктов для их продажи на рынке. К явлениям этого же порядка относится и укрепление позиций дворянства как основной группы господствующего класса и юридическое оформление крепостного права, нашедшее свое яркое выражение в Соборном уложении 1649 г. и последующем законодательстве второй половины XVII в.

С другой стороны, в хозяйственном и социальном развитии Русского государства XVII в. можно отметить тенденции и совершенно иного порядка, характерные для периода позднего феодализма, черты новых капиталистических отношений, формирующихся в недрах феодальной формации, подтачивающих эту формацию изнутри. В этом плане необходимо отметить перерастание ремесла в мелкое товарное производ-

⁵² ЦГАДА. Писцовые и переписные книги, № 15057, лл. 336—337об.

ство, рост товарности сельского хозяйства, помещичьего и крестьянского, процесс складывания всероссийского рынка. «Рынок есть категория товарного хозяйства,— указывал В. И. Ленин,— которое в своем развитии превращается в капиталистическое хозяйство и только при этом последнем приобретает полное господство и всеобщую распространенность»⁵³. В. И. Ленин подчеркивает, что «вопрос о внутреннем рынке, как отдельный самостоятельный вопрос, не зависящий от вопроса о степени развития капитализма, вовсе не существует... Внутренний рынок появляется, когда появляется товарное хозяйство; он создается развитием этого товарного хозяйства, и степень дробности общественного разделения труда определяет высоту его развития; он распространяется с перенесением товарного хозяйства от продуктов на рабочую силу, и только по мере превращения этой последней в товар капитализм охватывает все производство страны, развиваясь главным образом на счет средств производства, которые занимают в капиталистическом обществе все более и более важное место. «Внутренний рынок» для капитализма создается самим развивающимся капитализмом, который углубляет общественное разделение труда и разлагает непосредственных производителей на капиталистов и рабочих. Степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране»⁵⁴.

Такова теоретическая постановка вопроса о рынке, данная В. И. Лениным.

В другой своей работе В. И. Ленин относил начало процесса складывания всероссийского рынка к XVII в. Отметив наличие пережитков феодальной раздробленности, известную хозяйственную разобщенность отдельных земель, вошедших в состав централизованного Русского государства, разобщенность, заметную еще в XVI в., В. И. Ленин продолжал: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»⁵⁵.

В свете этих теоретических положений В. И. Ленина советские историки, и в их числе автор настоящей работы, рассматривают XVII в. в истории Русского государства как начало нового периода, характеризующегося процессом складывания всероссийского рынка, т. е. генезиса капиталистических отношений. В рассмотренных выше исследованиях советских историков достаточно отчетливо показаны различные стороны процесса складывания всероссийского рынка на материале именно XVII в. В настоящей работе автор уделил главное внимание процессу углубления имущественного неравенства и перерастания его в социальное, классовое расслоение, и элементам превращения рабочей силы в товар — весьма важному моменту в генезисе капитализма. Приведенный фактический материал позволяет проследить эти процессы на материалах черносошной деревни XVII в. Переоценить развитие капиталистических отношений в Русском государстве XVII в. нет достаточных оснований, но и не видеть вполне очевидных фактов тоже нельзя.

⁵³ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 3, стр. 15.

⁵⁴ Там же, стр. 47.

⁵⁵ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 1, стр. 137—138.